

Глядя на Е Яньчжи, Коу Дун ощутил, как в его груди поднимается такая волна отцовской любви, что сдержать её было решительно невозможно.

— Послушай, милый, — обратился он к Е Яньчжи, крепко державшему его за палец. — Посиди тут тихонько. Сейчас я перейду на ту сторону платформы и куплю тебе мешок мандаринов.

На лице Е Яньчжи промелькнуло сомнение. Он поднял глаза и с лёгким недоумением воззрился на юношу.

В самих словах ничего подозрительного не было, но выражение лица Коу Дуна заставляло почуять неладное.

Он осторожно спросил:

— Каких ещё мандаринов?

От этого вопроса взгляд Коу Дуна наполнился ещё большей жалостью и состраданием. Он со вздохом погладил приёмыша по голове:

— В школу ты, я вижу, совсем не ходил?

Е Яньчжи промолчал. С каменным лицом он разжал объятия и выпустил палец Коу Дуна.

— Не переживай, — поспешил утешить его Коу Дун. — Это папина вина. Вот пойдёшь в школу, и после девяти классов обязательного образования сам всё поймёшь.

Е Яньчжи:

«...»

В его голосе наконец прорезались гневные нотки, хотя он всё ещё сдерживался:

— Мне двадцать один год.

Эти слова не возымели никакого действия. Коу Дун лишь ласково взъерошил его шевелюру и самым снисходительным, явно притворным тоном протянул:

— Хорошо-хорошо, конечно, тебе двадцать один...

Е Яньчжи:

«...»

Ладно бы просто болтал, но зачем так демонстративно коситься на его штаны?

В эту секунду Е Яньчжи едва сдержал желание бросить всё к чертям. Пусть бы подопытные твари связали этого наглеца и оттрахали так, чтобы тот только жалобно мяукал. В конце концов, если подумать, в выигрыше всё равно остался бы он сам.

Коу Дун и не подозревал, что ходит по самому краю пропасти.

Немного повертевшись и решив больше не испытывать судьбу, он спросил:

— А спать ты как будешь?

Крохотный человечек скрестил руки на груди и с ледяным видом посмотрел на него снизу вверх, словно на букашку.

Коу Дун мгновенно сделал шаг навстречу опасности:

— Может, папочка совет тебе гнёздышко?

Е Яньчжи:

«...»

«Прекрасно, — мрачно подумал он. — Ещё один голос за вариант с жалобным мяуканьем».

В итоге они устроились на одной подушке. Опасаясь ненароком раздавить кроху, Коу Дун усадил его прямо у себя над макушкой и с самым серьёзным видом накрыл клочком ваты, выковыранным из одеяла. Е Яньчжи устроился среди его мягких волос. Он плотно сжал губы, не издавая ни звука.

Коу Дун вознамерился рассказать ему сказку про утёнка, но стоило ему начать, как мелкий жестоко и безжалостно его оборвал:

— Утёнка сварили в супе.

Коу Дун:

«...»

— У тебя совсем нет сострадания, — упрекнул он его.

— Нет, — холодно отрезал Е Яньчжи. — Спи.

Коу Дун не сдавался:

— Но мне кажется, что вечернее семейное общение просто необходимо для укрепления связей.

В голосе малыша не промелькнуло ни единой эмоции:

— Директор лаборатории тоже считал, что вечерние беседы с подопытными невероятно важны.

И стоило ему замолкнуть, как снаружи раздался стук в дверь.

Полночным незванным гостем явно был Очкарик. Он с маниакальным терпением раз за разом стучал в дверь. Паузы между ударами становились всё короче, а сам стук — всё настойчивее и быстрее. Под конец Коу Дун отчётливо уловил сквозь преграду его глухую ярость и нетерпение. Тонкая фанерная дверь ходила ходуном, грозя вот-вот рухнуть под напором.

— Открой... Ну почему ты не открываешь?

Дверная щель была совсем узкой. Неизвестно, какими ухищрениями, но этот безумец ухитрился просунуть в неё свои пальцы и теперь отчаянно шарил ими внутри, пытаясь нащупать задвижку.

— Открой мне!..

Нужно быть полным идиотом, чтобы впустить его при таких обстоятельствах. Коу Дун выудил из кармана ту самую чешуйку, быстро обулся, поднялся с кровати и с размаху полоснул по судорожно цеплявшимся пальцам.

Гладкий с виду край чешуйки оказался острее бритвы. Он мгновенно рассёк кожу директора, оставив глубокую кровоточащую рану. Снаружи раздался болезненный вскрик. Мужчина попытался отдёргнуть руку, но Коу Дун крепко вцепился в его пальцы и без лишних слов полоснул ещё раз.

— А-а-а!

Этот вопль прозвучал куда более истошно. Очкарику стало уже не до секретов — он рванул руку обратно со всей силы. Послышались неровные, шаркающие шаги: похоже, неожиданный

отпор напугал его до смерти. Вскоре у двери воцарилась тишина.

Коу Дун убрал чешую. Он прекрасно понимал, зачем пришёл директор. Окажись на месте Коу Дуна любой другой игрок, похитивший пропуск директора лаборатории, подопытные твари давно разорвали бы его на куски. Очкарик явился лишь за тем, чтобы вернуть улику. Но улика осталась на месте, а сам Коу Дун был цел и невредим.

Хотя точное назначение пропуска оставалось загадкой, паника директора ясно давала понять: вещь эта бесценна. А значит, держать её при себе будет куда интереснее.

Разобравшись с ночным визитёром, Коу Дун повернулся к приёмышу для воспитательной беседы:

— Видал? Другие детки из штанов вон выпрыгивают, лишь бы сказочку послушать.

Малыш, который к этому моменту уже сидел на подушке и во все глаза наблюдал за происходящим, промолчал.

«...»

Он смерил Коу Дуна сердитым взглядом и со всей силы рухнул обратно на подушку. Простейшее движение, но в его исполнении оно так и дышало праведным гневом.

Юноша скользнул обратно под одеяло и услышал сквозь зубы процеженное:

— Вот вырасту я...

Коу Дун подхватил без запинки:

— И будешь меня почитать?

Малыш лишь холодно усмехнулся и вцепился в его волосы, хотя выдирать их с корнем всё же пожалел.

«Почитать... — угрюмо подумал он. — Залюблю до полусмерти».

Во Втором небе запасы еды подошли к концу. Немногочисленное печенье, как бы его ни берегли и ни экономили, было практически съедено. Лица у всех были кислыми. Одинокая девчушка подпёрла щёки ладонями и уныло вздохнула — кто бы мог подумать, что самый

лютый голод в своей жизни она испытает внутри виртуального симулятора.

Обиднее всего было то, что игра подключалась напрямую к мозговым волнам: сколько бы ты ни голодал в виртуальности, на реальном теле это никак не отражалось.

И какой смысл недоедать? Даже похудеть не получится!

Жалуюсь на судьбу, она то и дело косилась на Коу Дуна. Наконец, смущённо порозовев, спросила:

— Слушай, братец, как думаешь, мне стоит ещё сбросить вес?

Помня прошлый опыт, Коу Дун решил безжалостно растоптать её девичьи грёзы на корню:

— Стоит. Ножки у тебя полноваты.

Девчонка мгновенно изменилась в лице. От бывлой романтической нежности не осталось и следа. Она фыркнула, точно кошка, которой наступили на хвост, и с глубоким презрением отрезала:

— Ну и козёл же ты! Что за дурацкий вкус? У меня идеальная фигура!

Коу Дун лишь мысленно развёл руками.

«Слушай, радость моя, если ты сама считаешь, что у тебя всё идеально, то зачем вообще спрашивать?.. Нарываешься ведь нарочно».

Е Яньчжи тем временем тоже не сидел смирно. Он карабкался вверх прямо по подкладке кармана. Опасаясь, что крошечного жильца кто-нибудь заметит, Коу Дун попытался украдкой запихнуть его обратно, но шустрый малец мгновенно уцепился за его палец обеими руками и благополучно повис в воздухе.

Испугавшись, что тот сорвётся, Коу Дун поспешно подставил свободную ладонь и шёпотом скомандовал:

— Спрячься!

Но кроха даже ухом не повёл. Качнувшись пару раз, точно на качелях, он с разбегу запрыгнул прямо на воротник Коу Дуна.

Вцепившись в пуговицу на свитере, он деловито поддел торчащую нитку и пролез под неё, словно пристегнувшись ремнём безопасности.

С таким оригинальным украшением на груди Коу Дун попытался было снова избавиться от нахлебника, но тут заметил, что собеседница продолжает шумно критиковать его вкус, абсолютно не замечая копошащегося на его одежде живого существа.

Коу Дун на секунду замер, и до него дошло.

Это яйцо он вытащил из пруда обмена. Скорее всего, мелкий был особым предметом, невидимым для посторонних глаз.

Осознав это, Коу Дун расслабился и оставил его в покое.

Очкарик вышел последним. Лицо его было чернее тучи. Он забился в самый дальний угол, опустив голову и старательно избегая смотреть в сторону Коу Дуна. Коу Дун же, напротив, внимательно приглядывался к нему. Заметив, что на руках директора нет ни единой царапины, а кожа выглядит гладкой и чистой, он задумчиво потёр подбородок.

Юноша ни капли не сомневался, что ночным гостем был именно Очкарик. А это означало лишь одно: директор каким-то образом модифицировал собственное тело.

От этой мысли сделалось неуютно. Коу Дун поджал губы и снова коснулся лежащей в кармане чешуйки.

Почувствовал ли Очкарик на себе его взгляд или нет, но он поспешил забиться ещё глубже в тень. В этот день он трудился с невиданным прежде рвением.

Коу Дуну достаточно было просто понаблюдать за ним со стороны, чтобы без труда прочесть его мысли.

«Бежать. Нужно убираться отсюда как можно быстрее».

Желание вполне логичное. В конце концов, теперь Подопытный S знал, кто скрывается под личиной директора, и вполне мог явиться за его душой уже этой ночью. Очкарик суетился, лихорадочно раздавая указания игрокам, и в спешке даже позабыл притвориться, что его рука ранена, лично бросившись помогать таскать детали.

Сун Хун, отличавшийся особой наблюдательностью, сразу почуял неладное.

— Слишком быстро зажило, — негромко шепнул он А-Сюэ. — Когда на него напали в первый раз, его изрядно потрепало.

А сейчас он выглядел совершенно здоровым — и даже без труда поднимал тяжести.

А-Сюэ нахмурилась и некоторое время пристально наблюдала за директором.

— Действительно, странно, — согласилась она и, помолчав, добавила: — Но для нас эти странности скорее на руку.

Кому захочется задерживаться в этом гиблом месте?

Она слегка притопнула ногой. Сун Хун, заметив её волнение, мягко попытался её успокоить:

— Ладно тебе... Всё будет хорошо. Получим деньги, выберемся отсюда — и дело с концом. А в эту проклятую игру больше ни ногой.

Девушка как-то странно усмехнулась.

— Не мне это решать, — негромко отозвалась она. — Сначала нужно раздать долги.

На её лице промелькнуло несвойственное её возрасту холодное, жёсткое выражение. В ней не осталось и капли девичьего простодушия. Повернувшись к Сун Хуну, она коротко бросила:

— Ключ.

Сун Хун вздохнул, мягко отстранил её в сторону и взял тяжеленный инструмент сам:

— Давай я.

Ничья жизнь не бывает сплошным праздником.

Девчонке не повезло с отцом — настоящий зверь в человеческом обличье. Наделал карточных долгов, а сам испарился в неизвестном направлении, бросив больную жену и крохотную дочку на произвол судьбы. Коллекторы и прочая шушера круглыми сутками ломались к ним в дверь, круша всё подряд. Сколько раз бедной семье приходилось переезжать с места на место — и не сосчитать.

Не окажись она в таком безвыходном положении, ни за что не пошла бы на подобный смертельный риск.

Отчаявшиеся, обездоленные и те, кто просто играет со смертью.

Мир «Покойника» делился на эти три категории игроков. Богачи, пресыщенные роскошью и искавшие острых ощущений, превратили это место в свой личный парк аттракционов. Для бедняков же и беглецов игра была последней картой в безумной ставке на жизнь. Вот только

ставки здесь были непомерно высоки — на кону стояли их собственные жизни.

Проведя здесь немало времени, Сун Хун научился с первого взгляда определять, кто есть кто. Единственным, кого он так и не смог разгадать, оставался Коу Дун.

Как бы это выразить... Иногда у Сун Хуна возникало странное ощущение.

Будто юноша играл совсем в другую игру.

Ну кто в здравом уме решится вытворять подобные фокусы в «Покойнике»?

Коу Дун особо не утруждал себя работой, со скучающим видом наблюдая за Очкариком. Директору под его пристальным взглядом становилось всё больше не по себе. В конце концов он не выдержал, резко выпрямился и со злостью выплюнул:

— Что ты на меня уставился?!

— Да так, ни в чём себе не отказываю, — с обезоруживающей улыбкой отозвался Коу Дун. — Просто люблюсь. Полюбоваться-то хоть можно, работе это ведь не мешает?

Грудь Очкарика тяжело вздымалась. Было видно, что он едва сдерживается, чтобы не разразиться отборной бранью, но в последний момент загнал слова обратно в глотку. Злобно зыркнув на расставленные вокруг инкубаторы, он молча опустил обратно на корточки и принялся остервенело стучать инструментами.

Коу Дун тем временем бросил корм соседнему подопытному. Чудовищная туша, похожая на гору склизкой плоти, принялась с чавканьем пожирать рыбу. Кровь брызнула во все стороны, пачкая смотровое стекло изнутри.

На долю секунды Очкарику почудилось, будто эти кровавые брызги попали ему прямо на лицо.

Он словно кожей ощутил их липкое тепло. Твари продолжали перемалывать челюстями плоть, не сводя с него голодных глаз и издавая мерзкие, хлюпающие звуки.

Директор слишком хорошо знал эти звуки. Они означали лишь одно: чудовища голодны. Эти твари, привыкшие пить человеческую кровь и грызть кости, до сих пор попробовали слишком мало плоти.

«Голод...»

Одно из чудищ медленно поднялось в полный рост внутри колбы, отбрасывая огромную

зловещую тень. Из-за его приоткрытых губ сверкнул оскал острых, как бритва, белых зубов.

«Так голодно...»

Очкарик судорожно сглотнул, подавляя подступившую к горлу тошноту, и резко опустил голову.

«Больше медлить нельзя, — билась в его разуме паническая мысль. — Надо действовать сейчас же».

К наступлению сумерек им удалось завершить большую часть работы над механической рукой. Если всё пойдёт по плану, уже завтра они смогут открыть выход и покинуть эту лабораторию. Это вернуло игрокам былую надежду. Расходясь по комнатам, они подбадривали друг друга, после чего отправились спать.

Однако Очкарику было не до сна. Выждав некоторое время на своей койке и убедившись, что в коридорах воцарилась глухая тишина, он поднялся и бесшумно приоткрыл дверь комнаты.

Всё было просчитано заранее. Зачем делить побег с толпой балласта, если можно уйти в одиночку? Финальные штрихи он вполне способен навести сам.

Игроки панически боялись выходить наружу ночью, но у него просто не оставалось выбора. В противном случае он вряд ли дожил бы до утра.

Было лишь искренне жаль упускать такое идеальное тело...

С самой первой встречи директор понял, что этот юноша — безупречный инкубатор. Идеальный сосуд для вынашивания чужого потомства, будь то икра или нечто иное. Превратить его в живое гнездо... Подопытные твари так тянулись к нему, они наверняка оценили бы такой подарок.

«Какая досада», — с тяжёлым вздохом подумал Очкарик.

Он распахнул дверь настежь — и оцепенел.

Прямо на пороге стоял человек.

Тот самый юноша, о котором он только что грезил, безмятежно улыбался ему.

— Доброй ночи, господин директор. Я к вам с дружеским визитом.

Очкарик:

«...»

«?!»

Он резко отшатнулся назад, собираясь захлопнуть дверь перед самым носом наглеца, но Коу Дун мгновенно упёрся ладонью в косяк и благодаря своей удивительной гибкости ловко протиснулся в закрывающуюся щель.

— Ну зачем же так грубо? — недовольно поморщился Коу Дун. — Мы ведь все из одного теста сделаны, могли бы проявить капельку гостеприимства...

Директору было явно не до его шуточек. Он со свистом выдохнул:

— Зачем ты пришёл?! Что... Что у тебя в руке?!

— Да ладно вам, — отмахнулся Коу Дун. — Говорю же, я с добрыми намерениями.

«...»

Черти бы побрали твои добрые намерения!

Очкарик сверлил его яростным, полным яда взглядом. Но сквозь эту неприкрытую злобу пробивался безумный, плотоядный интерес. Мужчина словно мысленно препарировал юношу, превращая собственные глаза в хирургические скальпели, готовые вспороть безупречную плоть здесь и сейчас.

Коу Дун бесцеремонно придвинул стул и уселся посреди комнаты.

— Вы разве не слышали? — непринуждённо поинтересовался он. — У нашего народа масса прекрасных традиционных добродетелей. Честность, скромность, благоразумие...

Малыш высунулся из-под его воротника и вопросительно заглянул ему в лицо.

Коу Дун с самым наглым видом закончил:

— Так вот, все они присущи мне в полной мере.

Очкарик презрительно фыркнул.

Коу Дун лишь шире улыбнулся в ответ:

— Но среди всех этих качеств есть одно, самое ценное.

Он не спеша запустил руку в карман и выудил небольшой предмет. Металлический блеск безжалостно резанул директора по глазам.

— Честность при находке, — весело произнёс Коу Дун. — Чужого мне не надо. Потрясающая черта характера, не нагуляешь.

Очкарик словно окаменел. Он стоял посреди комнаты, не в силах пошевелиться. Всё его тело начало мелко дрожать, лицо приобрело мертвенно-бледный оттенок, а зрачки хаотично сужались и расширялись.

Внезапно он резко развернулся и, выгадав момент, рванулся к выходу.

— Куда же вы так торопитесь? — лениво протянул Коу Дун. Он достал острую чешуйку и принялся задумчиво водить её краем по поверхности пропуска. — Директор, я же вам вещь принёс. Зачем бежать?

Мужчина резко замер на месте, тяжело, загнанно дыша. Вцепившись обеими руками в волосы, он истошно завопил:

— Да что тебе от меня нужно?!

Коу Дун проигнорировал вопрос, задав встречный:

— Скажите, а этот пластик прочный? Интересно, поддастся ли он лезвию?

Очкарик не ответил. Дрожь, сотрясавшая его тело, сделалась просто невыносимой.

— Отдай... отдай его мне! — запричитал он, задыхаясь от паники. — Слишком поздно... Время на исходе!

С этими словами он принялся исступлённо топтаться на месте. По его щекам катились слёзы, являя зрелище жалкое и отвратительное.

— Он идёт! Отдай его мне, он уже близко!

Юноша не шевельнулся. Скрестив руки на груди, он продолжал бесстрастно наблюдать за бьющимся в истерике мужчиной. Лишившись последних сил, Очкарик бессильно осел на пол и разразился хриплым, безумным хохотом:

— Ты... ты думаешь, они оставят тебя в живых?

— Я знаю его характер... Ведь это я вытащил его из бездны океана! Тогда я и представить не мог, в какое чудовище он превратится! Он жрёт людей! Он ищет инкубатор, подчинил себе каждого в этой лаборатории лишь ради одной цели — найти того, кто выносит его потомство!

— Он перестроил здесь всё под себя! Каждая тварь в этих инкубаторах подчиняется только ему, сука! — Директор грязно выругался, его лицо исказила гримаса безумия. — Все учёные мертвы! Никого не осталось! Если бы я не решился на модификацию собственного тела, меня бы тоже давно сожрали!..

— Ты хоть понимаешь, что он сделает с тобой, когда поймает?! — Очкарик зашёлся в лающем смехе. — Он заполнит тебя своей икрой до краёв! Ты будешь рожать без остановки, одного за другим! И не успеешь ты разродиться, как он загонит в тебя новую кладку! Ты будешь гнить в его сыром, вонючем резервуаре, пока твоя плоть служит ему гнездом!

— И после этого ты считаешь его своим союзником?! — Директор со всей силы ударил себя кулаком в грудь. — Твой единственный союзник — это я!

Коу Дун слегка нахмурился. Улыбка всё ещё играла на его губах, но голос зазвучал пугающе ровно:

— Скажи мне, как погиб седьмой игрок?

Очкарик осёкся, ошарашенный этим вопросом.

Улыбка на лице Коу Дуна стала шире.

— Окажись я в твоих руках, — тихо проговорил он, — разве мне оставили бы жизнь?

«...»

Директор не нашёл с ответом. Его взгляд остекленел, и он беспомощно повалился на пол.

Из коридора вновь донеслись звуки.

Двойной эффект сработал безукоризненно: все подопытные разом покинули свои вольеры,

хлынув в коридор и намертво заблокировав выходы из комнаты.

Коу Дун поднялся со стула, подошёл к распластанному на полу мужчине и аккуратно прикрепил пропуск обратно к его карману.

— Вот и всё, — прищурившись, оценил он свою работу. — Получите и распишитесь. Ваша вещь вернулась к хозяину.

«...»

Едва сорвались с его губ эти слова, как дверь разлетелась в щепки. Чудовища ворвались внутрь. Мгновение — и комнату заполнили кровавые брызги и ошмётки плоти.

Коу Дун зажмурился, пытаясь отвернуться от этого кошмара. Но не успел — чья-то влажная, леденящая ладонь мягко накрыла его глаза.

— Не смотри, — раздался низкий, рокочущий шёпот русала. Его алые, нечеловеческие глаза в упор уставились на юношу. — Тебе не нужно это видеть...

<http://bllate.org/book/18984/1933759>